

Евгений ЕВТУШЕНКО:

Вы не интересуетесь политикой? ЭТО ТРУСОСТЬ!

Наш собеседник убежден: поэт в России и сегодня больше, чем поэт. Только чувство достоинства сохранить труднее

- Ваша давняя строчка «поэт в России больше, чем поэт» стала крылатой...

- На меня нападали за эти строки. Говорили, что я унижаю достоинство поэта. Чушь! Как сказано в английской пословице, если вы не занимаетесь политикой, то политика занимается вами. Политика манипулирует людьми, обманывает, унижает их, превращаясь в войны, политика убивает людей. Как можно быть к этому равнодушным? Если мы абсолютно равнодушны к политике, тогда мы равнодушны ко всем другим людям и даже к нашим собственным потомкам. Когда люди говорят: я не интересуюсь политикой, особенно пишущие люди, и декларируют это как позицию, простите меня, я подозреваю за этим трусость, скрывающую маской высокомерного снобизма.

- А вы не думали заняться политикой серьезно?

- Профессиональный политик - это человек, который хочет власти над людьми, мне достаточно власти слова. Когда у меня была власть над людьми (я снимал тогда два фильма), мне было очень трудно их увольнять. И вообще мне не нравилось, когда меня люди боялись.

После неудавшегося путча ко мне в кабинет секретаря Союза писателей пришел Станислав Куняев, который за два дня перед этим поддерживал ГКЧП. У него тряслись руки от страха, и он почти лепетал: «Женя, ты же помнишь, мы с тобой дружили».

Это был самый отвратительный момент в моей жизни - когда я увидел человека, который боится. Правда, через несколько дней, когда он сообразил, что никто его арестовывать не собирается, он уже стоял на трибуне и поливал меня грязью. Но мне было гораздо легче, чем тогда, когда он меня боялся. Хотя некоторые люди получают от этого наслаждение.

А я очень счастлив, потому что в моей семье меня никто не боится, и даже жена, вопреки известной формуле: «Жена да убьет мужа своего». Иначе семейная жизнь стала бы для меня адом.

- Вы думаете, сейчас есть чего бояться?

- Раньше больше всего боялись ночного звонка в дверь. Как ни странно, завтрашнего дня не боялись. Но, скажем, тогда не было страха безработицы. Теперь больше всего бояться

завтрашнего дня, бояться оказаться на улице без средств к существованию. Сейчас все писатели, за исключением некоторых авторов детективных романов, живут очень трудно. Нам говорят: у нас нет цензуры, вы можете писать что хотите, вы боролесь против опеки государства, но это я называл, в одном из своих стихов, - цензура равнодушием. Это тогда, когда государство не ограничивает свободу художника, но в то же время не помогает создать условия для такой свободы.

Никакие премиальные подачки не могут заменить постоянной федеральной программы помощи литературе. 50-тысячные - частного характера, 25-тысячные и 20-тысячные - это чаще всего тусовочные премии. Но вы не должны входить в противоречие с теми группами, которые, по-лагерному выражению, стоят «на раздаче». Некоторые люди, которые вели себя довольно достойно во времена номенклатурного социализма и цензуры, сейчас потеряли чувство достоинства, заискивая перед отечественным капитализмом. Даже такой талантливый человек, как Миша Жванецкий, на вечеру Окуджава сказал: «Хватит лить помои вверх». Я говорю: «Миша, а куда лить, вниз, что ли?» Я понимаю, почему так произошло, в зале сидели Егор Гайдар, Чубайс, и Миша, видя такое единение власти и литературы, впал в эйфорию. Я его понимаю: противостояние власти и

интеллигенции - оно изматывающее, для обеих сторон. Но, к счастью, он больше этой фразы никогда не повторял. Ибо она в сущности противоречит его собственному блестящему остроумию.

- Значит, бросать политику не собираетесь?

- Я вообще пишу о двух вещах - о любви и о политике. И я буду писать о политике, она меня интересует, потому что политика меня интересует, как все, что мешает людям жить.

- В свое время не жи-

ло за границей наших людей в 1998 году? Три с половиной миллиона! За всю историю России никогда столько наших граждан, даже в лучшие времена, не выезжало.

- Вы общаетесь с молодыми поэтами?

- Я не только общаюсь с ними, но многих включил в свою антологию «Строфы века». Есть немало способных поэтов, но, к сожалению, давно не было национальных явлений в поэзии. Последним крупным поэтом с неповторимой индивидуальностью был Бродский, а он стал известен 34 года назад. Это же шесть студенческих поколений!

У нас нет сейчас ни одного молодого поэта, чьи стихи мы можем найти на улице, неподписанные, и воскликнуть: «Боже, это же Он».

- Что нужно, чтобы такой поэт появился?

- Создать свой стиль.

Это необычайно тяжело. Я проходил через колоссальное количество подражательств. Причем подражал совершенно разным поэтам - и фронтовым поэтам, и Мартынову, и Маяковскому, и Кирсанову. У меня многие стихи посвящены поэтам, которым я подражал. Но я учился. И вдруг однажды написал: «Со мною вот что происходит. Ко мне мой старый друг не ходит. А ходят в праздной суете разнообразные, не те...».

Я не придавал никакого значения этим строкам. Я тогда был влюблен в Беллу, еще мы не были женаты, я ухаживал за ней, мне было 23 года, ей - 18. Мы тогда поссорились с ней. А стихотворение стали петь. Сначала у костров пели, потом Рязанов включил его в свой фильм замечательный.

- Говорят, что большие поэты не любят свои знаменитые стихи.

- Я помню, как Светлов кривился, когда у него просили опять прочесть «Гренаду». И у меня есть одна не самая знаменитая поэма, которую я ставлю выше всего. Это поэма о самоубийстве «Голос Сантьяго». Я храню более 300 писем от молодых людей из разных стран, где они пишут, что эта поэма спасла их от решения уйти из жизни.

Беседовал

Виталий БРОДСКИЙ.

Фото сделаны во время одного из посещений Евгением Евтушенко редакции «КП».

ПРЕМЬЕРА СТИХОТВОРЕНИЯ

«Еще в 78-м году крымским астрономом была открыта звезда, которую называли в мою честь. Но я об этом ничего не знал до конца прошлого года. Как я слышал, этот факт тогда хотели раздуть в прессе, даже сообщать мне, потому что я был в какой-то очередной опале. Эта малая планета была зарегистрирована лишь в 94-м году, а официальное свидетельство, врученное мне Академией наук на дне рождения, датировано 2000 годом. Действительно, очень далека была эта планета, ибо ее свет добрался до меня только через 22 года. И тогда я написал стихотворение «Моя звезда», где вспомнил, что в 63-м году посол СССР во Франции Виноградов на приеме в мою честь в Париже сказал, что за свою автобиографию я заслуживаю звезды Героя Советского Союза. Однако, когда я вернулся в Москву, меня встречали вовсе не оркестрами, а оскорблениями и обвинениями в «несмыслимых синяках предательства».

«Я бы дал вам Звезду Героя...» - мне в Париже сказал наш посол, но в Москве меня без конвоя все же поволокли на позор.

Как я веровал глупо и чисто, но безжалостно, наповал коммуниста-идеалиста коммунизм во мне убивал.

Я устал от лакейской породы и махания кулаков. «А з-за ск-олько ты Р-родину пр-родал?» - так и дергался Михалков.

Но, в душе презирая погромы, так рисков, себе на беду, моим именем астрономы потихоньку называли звезду.

И, не сбитый ни славой, ни злобой, я узнал, уже немолодой, что давно награжден был особой неправомерной звездой.

Как-нибудь проживу я, не ноя. Где другую Россию найду? Мне не дали Звезду Героя, а мне дали просто звезду».

12 июля 2000 г.

Переделкино.